

Геннадий Леонидович
Копытов

*Сборник
новелл
и рассказов*

Геннадий Леонидович Копытов

Сборник новелл и рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42648125

ISBN 9785449688965

Аннотация

По привычке, когда пишу о себе и событиях, в которых принимал участие, то все откровенно, до мелочей. Это – осознание сверхответственности, как будто заполняешь чистый лист своими деяниями и мыслями, самому Богу в Душу. Да и разве можно быть безразличным и несправедным к месту, где ты любил, и тебя любили и ненавидели!?

Содержание

Акафист пионерскому лагерю	5
Торжественный, духовный Гимн советскому пионерскому лагерю!	5
Зависание	18
Рассказ	18
Катюшечка	41
Новелла	41
Парашютная новелла	68
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Сборник новелл и рассказов

**Геннадий
Леонидович Копытов**

© Геннадий Леонидович Копытов, 2019

ISBN 978-5-4496-8896-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Акафист пионерскому лагерю

Торжественный, духовный Гимн советскому пионерскому лагерю!

Детство – это то, что мы потеряли во
времени, но сохранили в себе.

Эльчин Сафарли «Я вернусь».

«На дальней станции сойду,
Трава по пояс,
И хорошо с былым наедине
Бродить в полях ничем,
Ничем не беспокоясь
По васильковой синей тишине»...

Михаил Танич

«Тихо река мне тогда повторила,
Чистое поле в дали повторило,
Веткой береза, качнув, повторила:
– Не остуди свое сердце, сынок!»

Виталий Лазарев.

По привычке, когда пишу о себе и событиях, в которых принимал участие, то все откровенно, до мелочей.

Это-осознание сверхответственности, как будто, заполняешь чистый лист своими деяниями и мыслями, самому Богу в Душу.

Да и разве можно быть безразличным и несправедливым к месту, где ты любил, и тебя любили и ненавидели!?

Для меня это навсегда – «место силы» (как у Карлоса Кастанеды) и если хотите, сакральное место! Такие же, как спортзал и школа и, конечно же, беззаветный пионерлагерь «Березка».

Раннее субботнее утро в лагере. Солнце встает из-за сонной сырой стены

осин и лип.

Влажно и остро обволакивает запахом, свежескошенной травы...

Когда мы были поменьше, в такое утро, открыв глаза, обнаруживали на спинках наших кроваток, чистые рубашки, носочки и штанишки. Это значит, что сегодня придет мама!

Я всегда удивлялся, когда же воспитатель и нянечка успевали, найти в чемоданчиках и разложить все наши вещички...

Баба Маня (тогда ее еще звали тетя Маша) – Хозяйка этих мест и наша Берегиня!

Ее небольшой дом был за территорией лагеря, прямо, напротив въездных ворот, на границе леса и поля. Как у Бабы-Яги, на границе Нави и Яви.

Числилась она вторым сторожем и получала за это, от завода, микроскопическую зарплату.

С самых яслей, каждый вечер, она поила нас парным молоком, по 10 копеек за огромную кружку. Присматривала за нами, по просьбе наших родителей, на ясельных дачах.

Баба Маня вывела свою корову ЗОрю на прокошенный луг, на опушке бесконечного совхозного сада. Над ЗОрей, сразу же, завертелись оводы, зажалили ее. Зоря скучно жует траву, лениво отмахивается хвостом. Баба Маня, засунув, сухие ручки под фартук, смотрит укоризненно на Зорю...

Я выбегаю из ворот, равняюсь с бабой Маней и машу ей рукой. Она кивает мне и подзывает к себе.

Подбегаю к ней, глажу Зорю по голове и по нежному уху.

Она дергает головой и беспокойно, переступает ногами.

– Геня, (баба Маша, так зовет меня с яслей) бегаешь?

Я киваю. Помоги с ребятами – сено поворошить и стог наметать под навес. ВО сколько, мотокосилкой, совхозные наваляли! Дочь из Москвы, с зятем, не скоро приедут. Погниет все... И дрова, наколоть на поленницу, надо бы... Мальчишек наших: Мишку, Валерку, Женьку позови. Вам, все одно, разминка и спорт!.. А вечером молоко пить приходите, так, без денег... Хотите, девочек своих приводите! Пусть тоже, парного молочка, попьют! Это ж, не помои магазинные!

Я хмыкаю: -Нет у нас девочек! Всех «деревенские» увели! Одни придем!

Не хотелось обирать Бабу Маню, даже по мелочам. Жила она бедно.

– Как же, нету! -качает головой баба Маня: -Вчерась вечером, на танцы пошла с внучкой, посмотреть! Как глянула, что там деется?! Все по кустам разбрелися! Бознатышто! Страм!

– Теть Маш, это не мы!

– Да уж, буде говорить-то!...

– Ладно, теть Маш, придем после обеда, поможем, с удовольствием!

Я бегу дальше и сворачиваю на тропинку, диагонально втекающую в березовую рощу.

Слышу музыку из лагерного репродуктора:

– Выступает – «Большой Детских Хор Центрального Телевидения и Всесоюзного Радио»! :

– Спроси у жизни строгой:

– Какой идти дорогой?

– Куда по Свету Белому отправиться с утра?

– Иди за Солнцем следом, хоть этот путь неведом,

– Иди мой друг, всегда иди, Дорогою Добра!

Я бегу по плотной, широко натопанной тропе, увеличивая скорость. Под горку бежать легко и приятно. Белые стволы слились в мерцающий стробоскопный поток-тоннель. Прыжок через небольшой овражек. Отсюда, легко-покатый путь прогнулся вниз на тридцать градусов. С максимальной скоростью слетаю с березового бугра в лощину между березняком и еловым перелеском.

Лощина – это гнуто вытянутая, с севера на юг, с покатом в ту же сторону, поляна пятьдесят на четыреста метров, между берёзовым и еловым массивами.

На той стороне, затененная тяжелыми еловыми ветвями, ползет зарастающая двухколейная грунтовка.

Памятная долинка-лощинка «Костровая».

Почти в центре её незаживающее черное родимое пятно от сотен «прощальных костров». В полусотне участвовал, а пару десятков из них, собирал собственными руками.

Перебегаю поляну поперек, уходя влево от Костра. В еловом сумраке, в десяти метрах от дороги бурты, которые в детстве мы считали: то партизанскими землянками, то укрытиями для советских танков.

Выбегаю мимо елей, к колхозному полю через редкий осинник.

Пшеница рУсо и широко выстилается во все стороны, как мне чудится, до самого фиолетового тумана на горизонте.

Постепенно сбавляю темп. МашУ руками, восстанавливаю дыхание.

Сажусь на бревно, но вдруг подсакиваю и ныряю в хлеб. Знаю, что это вредно Полю, но не могу себя сдержать...

Хлебные колосья, цвета волос любимой девочки, размыкаются надо мной, а за ними глубокие синие небеса, как её глаза!

Треск кузнечиков, покалывание тела колосками, через тонкую мокрую майку, ощутимый жар Хлебного Поля!

Шорох и раскатывание в ладонях твердых хлебных зё-

рен...

Откуда это!? Я насквозь городской, ни бабушки в деревне, ни даже дачи, у меня нет...

Просто я вырос здесь!

Сколько раз призывал себя: – прекратить, не безвредные манипуляции, с ностальгией по детству в лагере! Ну или, хотя бы, мыть руки и голову, хозяйственным мылом, после!..

Это одновременно и наркотическая эйфория счастья, и боль опустошения!

«Нелепый» лагерь, он так врос в меня, что стал частью меня. Мне казалось, что он будет всегда!

Он столько всего мне дал, что мои ничтожные попытки, как-то отплатить ему за это, оцифровать эти, обострённо просветленные воспоминания, так и останутся бледной березовой рощицей, не выпустившей ранней весной, под солнце, микроскопические зеленые листочки. А теперь, уже и во все, заросшей бурьяном и заглохшей, обратившейся в задичалую «крепь»...

«Комсомольское затмение августа», «Березовый апокалипсис» – лишь одиночные, неясные пиксели на не прорисованной объемной картине! Серебряные, тридцатиметровые, стволы подпирают самый верх неба и непроглядную глубину

бесконечного леса.

Страна, официально, была атеистической, но березовая роща, и сам лагерь, стали нашей совестью и религией! Нашим зеленым храмом под синим, бескрайним небом детства.

Взрослея, я не расставался с ним.

Долго работал на заводе, содержавшем лагерь:

- весной убирались в лагере, ремонтировали дачи, готовили его к заезду детей,
- каждый год участвовал в «зарнице» в качестве судьи,
- зимой, все выходные выезжал на лыжную базу в лагере,
- осенью, в самом начале сентября, когда стоят еще теплые дни и вечера, с пятницы по воскресенье, с семьей там же, на заводской турбазе, которой становился наш лагерь.

Путевки в охотхозяйство «Рудневское» брал, только чтобы бродить, в основном, вокруг лагеря. Там зверя совсем мало. Стрелял, по пням и весною на вальдшнепиных тягах.

Разве можно забыть, как в апреле, после «тяги» приперлись в лагерь к сторожу «Водяному» – дяде Володе. К тому самому, который прикрывал нас в изоляторе, своей дубиной и фуражкой! Хотя, ему больше подошло бы – «Леший», но на заводе, он работал сантехником-водопроводчиком, и потому приросла кличка «Водяной».

На ГАЗ-66, двенадцать пьяных охотничьих рыл! Я не пил с ними, и поэтому долго собирал по кустам, наших охотников, уставших от «бутылочной тяги»! Штук шесть вальдшнепов отдали дяде Володе.

Темень. Он усадил нас под навесом и зажег электрический фонарь над столом. Вытащил и поставил на стол два ведра сока! Одно – березового, другое кленового!!! Охотники пили с дядей Володей, водку и самогон, а я упивался кленовым нектаром, который стал для меня – лесным кресением!

Дядя Володя «Водяной», как и Баба Маша, был неотделимой сущностью этих мест! Суровым хранителем лагеря и леса, как Велес!

От его огромного хозяйства, к 2016 году, остались только, прорастающие лещиной: расстекленный дом и ржавая «Победа»!

Через год, после той «тяги», работал в «Березке», одновременно, дворником и кочегаром. Скорее – отдыхал там со старшим сыном.

Как-будто, опять получил путевку в детство! На двадцать шесть дней!

По вечерам, вел секцию рукопашного боя, для отдыхающих школьников. Параллельно успевал флиртовать: с вос-

питательницей 3 отряда, с ее вожатой и врачом медпункта. Осталась-таки тяга к врачихам!!! Ей было тогда тоже 26 лет!

Познакомился с тетей врачом при забавных обстоятельствах!

Я шел с сыном в библиотеку. Проходил мимо медпункта, когда Татьяна Михайловна – врач лагеря, побелевшая, как ее халатик, выскочила с визгливым: «Зззмея в изолятореее!!!» Все, кто был в эту секунду рядом с медпунктом, ринулись прочь, во все стороны! Будто, одновременно, получили центробежное ускорение!

Не осталось н и к о г о. Врачиха с надеждой смотрела только на меня...

Сказал сыну: не двигаться и не пугаться, что бы не увидел.

Медленно вошел в изолятор. Четыре, застеленные белоснежным бельем, кровати. На контрасте с этим – необычайная грязная вонь! Отвратительная – змеиная. Еще противнее – непрерывное, опасное шипение, где-то рядом. Медленно опустился на колени. Под крайней правой кроватью, в самый угол, забился огромный черный уж! Я боялся, что это окажется гадюка, но два желтых пятна были там, где нужно!

Я попросил у Татьяны Михайловны тряпку и швабру. Не входя, из-за двери, она мне все это подала. Подсунул швабру под морду змеюке. Она, ощутимо, несколько

ко раз стукнула в перекладину швабры! Набросил тряпку на острую, прыгающую головку, прижал шваброй, ухватился, ниже головы, левой рукой. Вытащил. Вонь выбивала слезу. Уж оказался огромным. Метра полтора длинной, толщиной – мои пальцы не смыкались в обхват! Показался очень тяжелым. Выхожу на улицу. Держу змейку на вытянутой руке, на уровне плеча, при этом хвост волочился по земле. Стена людей ахнув, осела назад, метра на два. Только, мой пятилетний сын, как загипнотизированный, не сдвинулся, провожая, округлившимися глазами мини-питона, в папиных руках.

Проношу, демонстративно замедленно, мимо всех, этого монстра. Отмечаю восторженный взгляд Татьяны Михайловны. Я аккуратно, отнес ужа к пруду. После этого мы с Таней и подружились.

Водили в старый, совхозный сад, по ягоды, себя и наших малышей. Ее дочка и мой сынок-почти ровесники. Старый сад зарос черноплодной рябиной. Кусты образовывали тоннели, под которыми был сплошной ковер ягодника. Дети проходили свободно в этом тоннеле, а нам же с Таней, приходилось нагибаться...

В бане, которую я топил, под потолком помывочной жила ласточка с птенцами. Она влетала через открытую форточку, втискивалась в гнездо из соломы и глины. Птенцы начинали орать... и отвлекали от занятий...

Пионэрам, в тот год, уже не нужно было драться с деревенскими. Да и «пионэров» к тому времени уже давно отменили. Лагерь охраняли два бравых милиционера с оружием.

Однажды, они подкинули нас троих, от поселка Архангельский до лагеря, на милицейском мотобайке «Урал» с люлькой! Впятером на мотоцикле! Жена с сыном в люльке, а я висел на кронштейне позади люльки. Пару раз слетал, ноги соскакивали на асфальт и бежали, догоняя «моцик». Хорошо, что хоть, руки держались!

Я подружился с этими замечательными, простыми русскими парнями.

Буквально через два месяца после дежурства в «Березке», эти ребята будут откомандированы в Дагестан...

Я выезжал в горы, на море, но это не заменяло «Березки», ее природы. Лагерь был самодостаточен и незаменим ничем. Деградационные «перестройка» и «реформы» уничтожили его!

Я долго не хотел смириться с тем, что не могу приехать туда и отвезти на отдых своих детей...

Зачем мне нужна зависимость от этого места? Бесконечная, иррациональная к несуществующему!? Как и первая, бессмысленная, психосоматическая любовь!?

Я привязался душой к нему! Как, впрочем, наверняка многие. Знаю, что миллионы моих ровесников, болезненно, проглотили этот ком несварения, разрушенной памяти о детстве...

Копытов Г. Л.

Зависание

Рассказ

«Мир являл собой
идеальную, застывшую
в вечности картину.
Какие краски!
Какой художник опишет
всё это!?
Да и найдётся ли кисть,
способная перенести на
холст эту тьму и свет, этот
холод, эту боль, усталого
человека, воспринимавшего
всё сквозь призму
собственных страданий.
Какая картина написана
самой природой, словно в
награду за терпение и
волю...»
Денис Урубко «Крутой лёд».

Произошло это на заре моего увлечения техническим скалолазанием.

К этому моменту, я полностью переживал нудный мякиш, казалось бы, нового яркого увлечения, но уже успел намять оскомину, от лазания по глинистым склонам и небольшим скальным стенкам, страхуясь, исключительно, скальным ножом и руками. Это было совсем не то, что мне хотелось. Я не просматривал расширяющихся вдаль перспектив и на данном этапе, оказался в физическом, и техническом тупике.

Но, невозможно было ограничить мое притяжение к запредельной высоте каменных холодных стен.

Вот тут-то я узнал, что такое ИСС (индивидуальная спасательная система-первую обвязку сшил сам из парашютной стропы, пользовался ею месяца три, но потом купил настоящую), восьмерка, френды, жумар, скайхук, динамическая веревка, массивная связка карабинов, скальные крючья. А к ним ещё прилагался тяжеленный скальный молоток, и защитная каска.

Сам постигал как это всё работает!

В те времена у меня не было интернета. Только книги по альпинизму и промалыпу.

Тогда... да и сейчас, я тренировался в огромном, зарос-

шем, поверху, лесом, карьере.

Были еще и другие скалы в пятнадцати километрах, с пробитыми шлямбурами и крючьями, и балкой для зашивания верхней страховки. Там тренировалась областная команда альпинёров.

Но «мой карьер», был всего в пятнадцати минутах езды на автобусе и в двух километрах бега по лесу.

И главное, что здесь никто не мог осудить недостатки моей экипировки и скалолазной техники.

Сверху карьер похож на кривую, пузатую букву «Г».

Короткая черточка – это пятисотметровое ущелье, а длинная черта – двухкилометровое. Ширина от трехсот метров до километра.

Остатки советской мощи предприятий «Управление карьеров нерудных материалов». Выработан и заброшен в 70х годах.

Глубокий искусственный шрам земли, с тридцатиметровыми суровыми скальными стенами слоистых девонских известняков, с западной стороны под мрачными соснами, и отвесными травянистыми кручами с востока. Скальные цирки, каскады стен, завалы из каменных глыб. Результат донных отложений Мезозойского моря, которое отплескалось здесь, двадцать четыре миллиона лет тому назад...

Общий перепад высот достигает пятидесяти пяти метров.

Этакий альпийский уголок посреди русского леса.

Мне было лет пятнадцать, когда, бродя бесцельно по лесу (изначально, будто бы, по грибы), впервые, случайно, вышел к жуткому обрыву и ущелью, облицованному скальным парапетом. Я был поражен и очарован этим местом...

Я освоил две скалы на западной стене. Назвал их незатейливо.

Одну «Змеиная» – летом на камнях было много греющихся ужей.

Вторую в 200 метрах на север – «Соколиная». В скальной нише на высоте 20 метров над землей, спускаясь дюльфером, по новому маршруту, нашел соколиное гнездо. Видел несколько раз, как сокол Очки слетали к гнезду. Перед этим, они подолгу кружили над лесом и скалами. Я разговаривал с ними и приветствовал взмахами поднятых рук, будто крыльями.

В прошлом году их прогнали вороны. Огромные черные летающие слоны, с железобетонными острыми хоботами. Но вороны в гнезде жить не стали, а прилетали в кроны сосен, над скалами, каждый вечер. Тяжело раскачивались на ветках и гнусаво каркали...

Тренировку, обычно, выстраивал так.

Загружался в карьер с восточной стороны, спускаясь по крутому травянистому откосу, градусов в пятьдесят, до днища. Страховал себя скальным ножом. На кисть накидывал темляк и пристраховывал нож к поясной обвязке. Когда приобрел ледоруб, зарубался им по скользким травянистым склонам. Но ножом было привычней и удобней. Далее пробегал небольшую каменистую лошину, поросшую берёзовым молодняком. Поднимался по ползучей мелкой, каменной осыпи на пятнадцатиметровый склон плато в центральной части карьера. Я называл это «маренной осыпью». Конечно же, если реально, – откуда здесь марена?!

Ледник Московского Оледенения ушел отсюда более сотни тысяч лет назад.

Отдышавшись, пешком проходил триста метров по столу плато, и оползал на ноге по сыпуче, с противоположной стороны, на западный скат. Упирался в гряду из завала огромных камней, размерами от чемодана до машины и более.

По ним я делал, нечто похожее на болдеринг, разминался и выползал прямо под стены скал.

Отсюда карабкался вверх, в лес по крутой глине, между «Змеиной» стеной и рассыпающимся восьмиметровым жандармом.

Жандарм называл традиционно- «Чёртовым пальцем».

Тропка из леса, прыгала каскадами на полку моей скалы.

Кавычки не ставлю. По ней лазал только я и те, кого приводил тренироваться.

Площадка на скале – это плоская вершина каменного контрфорса – носа скалистого корабля – остриём на восток. Катеты этого треугольника обрывались скальными стенами.

На скальной площадке росло много деревьев, и я ставил станцию, увязывая их по 7...10 штук вместе, сдвоенной станционной петлёй из дубовой «восьмимиллиметровой статики». Да, была раньше и такая...

Весна 2004 года. Первое мая. Открытие скалолазного сезона.

Березы в лесу и на скале, пятнами бледной зелени, забрызгали и затенили весь мир.

Стандартно поставил станцию, повесил петлю за край обрыва.

Загнул под перегиб веревки деревце, чтобы не врезалась в глину. Подстелил, под веревку, кусок брезента.

Вщелкнул в петлю стальной карабин, замуфтовал, завесил верёвку, встегнулся в новенькое спусковое устройство «восьмерка».

Сдюльферил двадцать один метр вниз.

Потом полез по стене вверх.

С огромным трудом, страхуясь схватывающим узлом «Прусика» и протягивая верёвку через «восьмерку», фиксируя её на рогах спускового устройства, каждые метр-два. Это не всегда удавалось. Только когда освобождалась, хотя бы одна, рука

Первые десять метров трассы были 6А категории трудности. По советско-российской классификации.

Каменное зеркало, зализанное ежегодными селями, тающего в лесу снега.

Этот участок скалы был блестяще – матовым, как мрамор, с мизерными зацепками, и одной лишь «оспиной» (зацепа дырочного типа) в трёх метрах над землей.

Когда я добрался до неё и собрался погрузить в неё пальцы (входили только два – указательный и средний, большим, поверх второй фаланги, усиливал указательный), оттуда вылетела оса, удивлённо и злобно загудела, облетая меня по косой орбите, нудно носилась вокруг и залетала под каску.

Я обрадовался:

– Осиное гнездо! Сейчас налетят, придётся резко дюльферять вниз, а быстро не получится.

Закрепился, снял с грузовой петли беседки скальный крюк и усердно ковырнул им дырку в стене. Но кроме каме-

нистого визга и сыпучей грязи, похожей на сигаретный пепел, там ничего не было.

Срывая с пальцев кожу, я прошел эти десять метров «мра-мора», жестко забив предплечья. Ноги некуда было пристроить. Сплошной «рукоход на мизерах».

Дополз до полочки шириной в четыре сантиметра, длиной в две стопы. Здесь можно уже жить, а может даже и спать. Перегнал «прусик», протянул верёвку, закрепил.

От полочки ползу вверх пять метров, под небольшое нависание. Прохожу его по разлому, в виде «внутреннего угла», враспор, заклинивая локти, ладони и носки скальных туфель. После этого три простых ступени, и предвершинная суглинистая осыпь, хаотично пронизанная корнями деревьев, как советский телевизор «Рекорд» электропроводами...

Всё, я наверху! Можно попить чаю и расслабиться!

Следующая часть тренировочной программы – осмотр, чистка и освоение новой скалы.

Стандартно проверяю и чищу маршрут сверху вниз.

Перекинул верёвку через острие контрфорса, на левый скат.

Давно хотелось освоить этот участок скалы и пробить но-

вый маршрут. Дважды осматривал его снизу.

Мне он нравился за некую логичность и строгий монолит стены. И на вид несложный. Ну, может быть – 4Б категории трудности, внешне...

Смотал и скинул верёвку на большую скальную ступень внизу, пять на пять метров.

Только, после пятнадцатиметрового спуска, я разобрался, что не вижу отсюда земли под скалой и предстоит спускаться по не просматриваемому, участку стены.

И всё-таки, я скидываю на склон верёвку. Пятидесятиметровой бухты должно хватить с большим запасом, даже с учетом расхода на вязание узла. Обыкновенно это был сдвоенный узел – «заячьи уши».

Хотя, после спуска на полку, останется – тридцать пять метров.

Под южной стеной всегда был запас минимум в двадцать метров.

Я бросал бухту, как можно, дальше, чтобы не перебить веревку, сходящими камнями. (Две посеченные веревки уже выбраковал и порезал на оттяжки). Но общая высота скал мне казалась одинаковой.

Встегнулся в «восьмерку» штатно – через шейку.

Спуск. На ступени, закрепляю веревку на рога

(не на свои!)...

Остаток верёвки, сбитый в гадючье кубло, бухтую и выйдя на край скалы, метаю вниз за выступ.

Отсюда стена мне нравится всё меньше. Десять метров вертикали и сразу выпирает, некий, перегиб. Там возможно нависание, под которым я не вижу земли, и этот участок рельефа ниоткуда не просматривался.

Бросаю бухту с криком:

– Внимание, верёвка! – кому кричу? Просто привычка.

Раскрепляюсь, спускаюсь по стене. Перед переходом через нависание, смотрю как верёвка диагонально отходит от станции, проходит по скале, через первую ступень, опирается на верхушку второй ступени.

Думаю:

– На ступени растут кусты, может подняться и перезавеситься?

Но кустики хлипковаты и мне опять придется подниматься до станции, спускаться на «сдвойке» на полку, сдергивать основную веревку, искать там где-то ЕТО (естественная точка опоры), или бить ИТО (искусственная точка опоры) – по ситуации, и встёгивать в них станционную петлю, или ввязывать кордалету в две-три точки, с регулировкой по вектору нагрузки. Технически это правильно, но на это уйдет час!..

Выхожу на выступ, напрягая ноги, упираясь в каменный пупырь, натягиваю нисходящую верёвку, крепко зажимая правой ладонью у бедра. Уход восходящей ветви контролирую левой рукой, выше восьмёрки.

Выдавил себя ногами вниз, под карниз. Ось тела, градусов под шестьдесят, макушка каски почти смотрит вниз.

Вроде бы, ничего страшного. Осматриваю полутораметровое нависание. Откол, вон валяется, под скалой. Свежий пятиметровый кусок стены. Ушел, наверное, этой весной, вместе со снегом.

До стены, в откидку, едва достаю носком ноги. Больше не решаюсь отклоняться – опасаясь «оверкиля» (опрокидывания головой вниз), так как я в поясной обвязке.

Спускаюсь безопорно, но и отсюда не вижу, куда легла веревка...

– Блиняять! Да, что это!!!

Не могу понять! Верёвка не протравливается через «восьмерку»

Я всё ещё смотрю вниз, пытаюсь тащить её левой рукой, ослабляя хват правой.

Левая кисть зажата тисками. Отрываю взгляд от земли, рассеяно осматриваюсь. Рукав куртки втянут в кольцо восьмерки, перепутан с верёвкой и выдавлен с другой стороны!

Сперва даже не пугаюсь, дергаю рукой, стараюсь освободить.

– Как же так! Я подворачивал манжет дважды и сдвигал рукав на локоть, перед самым спуском! Может развернул его, зацепив камнем на карнизе?..

Дёргаю левой рукой вниз, потом двумя, очень сильно – сколько было сил!!!

Упереться не во что! Я болтаюсь на веревке, как грузило на леске. Разгрузить «спусковуху» не могу. Ноги не достают до стены. Подняться обратно на скалу, через нависание не могу...

И тут до меня доходит:

– Баран, это зависание!

– Это зависание, боец!! Скалолаз хренов!!!

Глупейшая, безумная ошибка. Никаких длинных рукавов на дюльфире быть не должно!

Солдатский китель от демобилизовавшегося брата бывшей жены. Китель новый. И рост мой, и объём, но рукава очень длинные!

– Что же делать?!

– Телефон! МЧС!..

Телефон боялся раздавить, и оставил его в рюкзаке наверху. Под горой связи нет, только на площадке скалы.

Смотрю вокруг. Долго смотрю, не очень понимаю, что же

мне надо и что я хочу сделать...

Мне не страшно, просто какой-то шок и оцепенение.

Вижу развороченное и покинутое соколиное гнездо в трещине скалы, внизу справа. Я прошу у Соколов прощения и помощи...

В трехстах метрах от меня, из-за скалы, валит чёрный дым. Там слышатся голоса, и оттуда ветер нагоняет на меня волны пластиковой гари и вони. Там бомжи обжигают кабель, чтобы сдать алюминий, или медь, на бухло.

Несколько раз, бегая по карьеру, вляпывался, в разных местах, в чёрные мазутные пятна их костров, с оплавленными вязкими комками, спеченного пластика.

– По-мо-ги-те, му-жи-ки!

Дребезжащая, звоном пульса, зловещая тишина...

Я слушаю её, втягиваюсь в неё...

Веселая болтовня из-за горы!

– Мужики, помогите!!!

Я ору что есть духа. Мой крик дробится эхом по скалам и слабея вязнет и заглушается лесом. Теперь я понимаю, что они далеко от уступа, может в километре, может и больше. Просто ветер дует от них вдоль ущелья, и гонит на меня голоса и дым.

Он валит из-за уступа, вдоль скал, плотный, гадкий, черными хлопьями, как снег в аду.

Ощущение, будто бомжи жгут свою дрянь, прямо подо мной.

Я вишУ и не понимаю ничего.

Но уже осознал – примитивный дебилизм своей ошибки.

Но я не могу её исправить!

Злобно достаю нож. Мысль простая – отковырять рукав и протолкнуть его вверх. Вместе с веревкой через отверстие восьмёрки.

Сперва эта идея мне нравится, но потом понимаю, что рукав плотно обтянул руку, как бревно презервативом! А нож, из-за работы по камням и глине, тупой, как тренировочный!

Пытаюсь влезть внутрь восьмерки и отделить ткань от верёвки. Это нереально – всё перепутано и диффузировано. Смотрю на бессмысленный нож и метаю его в скалу. Каменными искрами сыпет от него, он падает и мотается ниже меня на репшнуре.

Вот сейчас я жалею, что лазаю там, где никого нет!

Сколько я вишУ – не знаю. Немеют под обвязкой ноги. Помню, что в половине второго дня, после подъёма на скалу, пил чай. Это отчетливо вспомнилось...

Солнце уже заваливается за сосны на скалах.

На рельефе стены, вдруг, разобрал картинку из учебника по альпинизму: «прусик» и педалька. Какая-то иллюзия, или стрессовая интенсификация памяти. Такое просветление бывает, иногда на экзамене, но при условии, что когда-то, что-то учил...

Я смог бы разгрузить «спусковуху», схватившись выше восьмерки и выдернуть клоунский рукав!

Но у меня нет с собой достаточного куска репшура! А «прус» я кинул на рюкзак.

Хватаюсь правой рукой, как можно выше «восьмерки», подтягиваюсь на одной правой руке, даже накручиваю пол оборота на кулак и отчаянно трясую левой.

Кричу, матерюсь!!!

Рукав вылетает из алюминиевого кольца, и я, неожиданно, начинаю уползать, ускоряясь, вниз.

Верёвка свободна, а силы израсходованы на борьбу со спусковым устройством и подтягиванием! Правая рука, хоть и в перчатке, но резко протравливает верёвку. Левая освобождённая спешит на верёвку, помогать правой. Мне показалось, что схватился за раскаленный, скользкий, стальной прут...

Остановился! Захлестываю верёвку правой ногой, изнутри-наружу. Она ложится сверху на стопу, придавливаю её ле-

вой. Выжимаюсь ногами вверх. Завожу правую руку за спину, рука ищет нисходящую верёвку, (в этот момент сводит мышцы плеча), сквозь боль, находит, заводит через спину на правое бедро, чтобы сильнее тормозить (спуск гимнастическим способом). Зажимать верёвку обожженной ладонью нету сил. Хэбэшная перчатка протерлась до кожи, пока скользил и тормозил, сжать ладонь – почти не могу.

Теперь двигаюсь хорошо, стабильно. Ноги упираются в скалу. Уже лучше, считай на земле. Еще двенадцать-четырнадцать метров, и я дома.

Бегу весело по скале, но тут мне в правую руку, что-то жёстко бьет.

– Чёрт, что же такое, опять?!

Дошло – это же концевой ограничительный узел. Сам вязал его.

Упираюсь в скалу ногами, закрепляюсь на рогах восьмерки. От радости, что вырвался из клещей «спусковухи», перестал контролировать остаток веревки внизу!

– Что за долболюбизм! Не бывает две аварийных ситуации за один спуск!?

Смотрю вниз. До земли не меньше семи-восьми метров. Это третий этаж. Просматриваю скалы внизу. Кажется – не сложно: уклон не больше семидесяти градусов, много тре-

щин и зацепки «хозяйские».

– А что, разве есть другой выход?

Хорошо, что ноги и руки уже на скале!

Нахожу упоры ногам и зацепку левой руке. С отвращением рассматриваю зажеванный, измочаленный кусок рукава. Раскручиваю правой рукой узел, долго и мучительно, ибо там много и красиво навязано, а пальцы сводит мышечный спазм...

Верёвка распрямляется.

Мозг работает отчаянно-просветленно.

Вспоминается метод передвижения по скальной стене «Зальцуг». Попеременно на двух самостраховках с крюками...

Но нет двухусой страховки, а крючья валяются рядом с «прусиком».

Но можно делать тоже и с одним крюком! Есть кованный скальный нож!

Поднимаю мотающийся нож и загоняю в ближнюю трещину. Загружаю его рукой...

Кажется держит! Левая нога опускается вниз на метр, нащупывает что-то и встаёт. С ужасом вижу, как верёвка свободно проскакивает сквозь кольцо восьмерки и уходит вверх. Жуть накатывает, кажется, шевелятся волосы под кас-

кой. Теперь у меня нет страховки!

Левая рука судорожно, хапает крупную зацепку и опирается на неё.

Как это называется? Кажется спуск спортивным способом... Или свободным лазанием?

Может прыгнуть вниз? Крупная каменная россыпь подомной, в том числе и плита, образовавшая нависание. Нет...

Ползу, вжимаясь в скалу. Проверяю каждый камень. Подвижных, наверное, с десятков, скинул вниз. Несколько очень крупных. Хоть некому, но назло кричу:

– Камень, камень!

И опять нож в трещину до упора. Повиснуть на темляке не могу, не верю, что шнурок «четвёрка» и «проводник» на нём, выдержат. Загоняю клинок так, что еле выдергиваю, рискуя сорваться при рывке...

Ноги касаются глинистого грунта!

– Я на Земле! На землеее, суки!!! – отчаянно кричу я алчным и глухим бомзам.

– Я спустился... Слава Богу!!!

Может Соколы подмогли?..

Ползу по глине вверх, мимо жандарма, к своему рюкзаку. Трясущимися, чужими, руками дергаю крышку термоса.

Обычно я заканчиваю тренировку дюльфером по сдвоенной веревке.

Продаваю её в два-три кольца из репшнура, на самой толстой берёзе. Сдёргиваю веревку из-под скалы и двигаю домой, по пути, который повторяет изначальный, но порой забредаю, нештатно, в какой-нибудь скальный цирк, увлечшись пролезанием завала камней...

Но сейчас я не хочу этого. Убираю снарягу, бухтую веревку, закидываю рюкзак на плечи.

В овраге, в сосновой тени, ещё лежит плоский сыпучий снег. Загребаю его горящими ладонями. Прикладываюсь к нему пламенеющим лицом. Меня начинает трясти озноб (шок догнал, или от обожженной руки). Утепляюсь свитером, ветровкой и вязанной шапкой...

Иду вязкими тяжелыми ногами (их покалывают иголки – кровь возвращается в ноги), по темнеющему, прохладному лесу, узкой тропой над скалами, уклоняясь от кустистого рябинового навеса. Солнце закатно-бордово поджигает вершины сосен, бетонно-серые стены и цирки скал запылали огненным маревом...

Сейчас я почти не пользуюсь спусковыми устройствами типа «восьмерка», в основном гри-гри и «корзинкой» – ва-

риант эволюции Шайбы Штихта. Но всегда проверяю состояние рукавов и заправляю под пояс ИСС всё, даже куртку. Перед дюльфером, однозначно, вяжу огромный стопорный узел на конце веревки и удостоверяюсь, вплоть до схода с маршрута, что конец верёвки лежит на земле.

Стоит ли говорить, что обвешиваюсь снарягой, как «новогодняя ёлка»: жумар с педалью, петли из репа под «прусы», карабины, френды. На грузовых петлях две минибухты с пятиметровыми репшнурами и священный скальный нож.

Аптечка – не в рюкзаке, в кармане!

Многokrатно анализировал эту ситуацию.

И если с зависанием, всё более-менее понятно, то с нехваткой веревки, до сих пор не прояснено.

У меня была, казавшаяся логичной, мысль: что её заклинило трещиной, при спуске. Она не выдавалась, но держала нагрузку. Но я же контролировал её визуальнo и с натяжкой укладывал на карниз!

Заклинки не было!

И выбор верёвки, сверху, от станции, был плавным, без заеданий и рывков.

При осмотре не выявил ни порезов, ни сдавливания, ни разломачивания.

Предполагаю: что из-за сложного рельефа скалы, я не смог просчитать – хватит ли веревки!..

Но мне же хватало двадцати пяти метров на южном склоне, а с северной стороны, той же скалы, не хватило и пятидесяти!

Убедиться, или переубедить себя – не случилось. Выполнить второй проход по маршруту не удалось.

Покуда я собирал снаряжение, на прохождение отрицательного нависания снизу-вверх, и параллельно ходил в большие горы, оказалось, что этот маршрут для меня более не доступен.

Через некоторое время, спускаясь по кулуару в трёхстах метрах от «Змеиной» горки, я столкнулся с толпой стрелков и рабочих, интенсивно ровняющих плато, устанавливающих метательные машинки и дробящих из двустволок шустрые малиновые тарелки.

Строители и стрелки пытались не дать мне спуститься, требовали подняться наверх. Но я, из-за упрямства, спустился. Меня распирала злость, что оккупируются мой лес и мои скалы!

Западное ущелье карьера захвачено стрелково-развлекательным клубом «Цитадель». Все самые высокие и интересные скальные стены, кулуар и внутренний угол, простреливались ими, в том числе северная стена «Соколиной».

Но старый, южный маршрут, был в непростреливаемой зоне, прикрытый скальным щитом контрфорса.

В течении несколько лет, продолжал там лазать, под ружейную канонаду и стук дробы по веткам над головой.

Но в прошлом году, по весне, я уперся в ограждение из двойной колючей проволоки, вдоль обрыва, прямо поперёк тропы, ведущей из леса на «Змеиную» и на «Соколиную».

Десять скал успел освоить в этой части карьера...

Сейчас мне осталось, только, восточное ущелье, со скальными стенками попроще...

Здесь, видимо, должны красоваться советы и рассуждения, что на восхождениях «он-сайт» и «тред» должно таскать такое-то снаряжение (далее присутствует протяжный список), и заодно, сверкать полированной медью, какая-нибудь прописная альпинистская мудрость.

Воздержусь от всего этого...

«Профям» советы не нужны, а начинающим – нужно просто тренироваться.

Был такой жёсткий урок у меня.

Он один стоил многих лет очных

тренировок в альпклубе и на скалодроме. Он помог мне

сделать полезные и своевременные выводы.

Копытов Г. Л.

23.03.2018

Катюшечка

Новелла

Детям детских домов и интернатов посвящается.

Было это в июле, скорее всего в конце, знойного кубанского, июля...

В конце июля, за одноэтажным парашютным классом созрели яблоки, персики и абрикосы.

Они созрели бы, окончательно, через месяц, но этого не случилось...

Я отслужил в армии два с половиной месяца, и две с половиной мысли, преследовали меня всё это время!

Первая и вторая: «Хочу домой!» и «хочу жрать!» Половинная – конечно же девочки!

Если бы, как-нибудь, я смог попасть домой, то непременно реализовал бы и второе, и половинное. Но не мог... и поэтому утрамбовывал свой жадный желудок зеленушками. Яблоки были слишком кислыми, и их почти не ел. Кислота же абрикосов и слив была терпимой. После каждого обеда, я распахивал по карманам хлеб, бежал в сад, жуя его

на ходу, и набивал опустевшие карманы зелеными плодами.

Так длилось четыре дня.

Второй укладчик парашютов – узбек Атхам Ахмаджонович Атхамов, заметив мое пристрастие, предположил:

– Французский болезнь зарабатываешь!

– Неа, -отвечал я уверенно, чавкая комком с травянистым привкусом.

Разрешилась эта продуктовая вакханалия неожиданно.

После подъема меня мутило, во рту жил вкус металла и травы. «Жрать», почему-то, совсем не хотелось.

Вяло пожевал отвратительной перловой каши и выполз из столовой на улицу.

Я поплыл куда-то. Словно опускался, с парашютом, закрыв глаза.

Было, только девять часов утра, а на улице уже стояла тридцатиградусная жара.

Каждые полчаса я посещал деревянный домик за парашютным классом. Далее, этот диапазон стал резко сокращаться.

Старший укладчик, прапорщик, Александр Иванович Дегтяренко, поставил мне задачу: забрать у летунов на переукладку парашюты. Самолет был на консервации и купола больше года не переукладывались! Периодичность профи-

лактических переукладок парашюта – шесть месяцев. Нарушение серьезное. За это время купол превращается в спрессованный камень!

Я протопал по летному полю полтора километра и все искал, где бы присесть. Но поле, есть поле. Со всех сторон по «рулежкам» катились самолеты, ходили механики, бойцы.

Тут я узрел одинокий деревянный домик, в трехстах метрах, за взлётно-посадочной полосой. Рванул, что было сил, только бы донести!.. Так давило на «клапан», я боялся, что фонтан прорвется прямо сейчас! Бежал, мелко семеня ногами и зажимая бедра руками. Как девочки, на бегу, поджимают короткие юбки, так и я сжимал ягодицы, удерживая плотину, готовую к прорыву в самый неудобный момент.

Едва добежал! Стул был водянистым – одна желчь...

Оглядел клозет изнутри. Он стоял на глубокой яме, на двух перекинутых поперек, бревнах. Огромные щели, со всех сторон, работали как пылесос и аэродромный ветер сквозил ото всюду. Снизу из отверстия ветрюган давил мощным столбом, как в аэродинамической трубе.

– Сейчас взлечу! – подумал я. Но это были мелочи. Жутко напрягало: все что я отправлял вниз, зависало и старалось вернуться на меня! Я скакал и уворачивался...

На стоянке нашел механика летунов. Он скинул две парашютных спасательных системы С-3-3 на крыло. Одна система показалась мне, необычайно легкой. Засунул руку под авизентовый клапан. Нащупал решетку каркаса. Купола не было!!

Свободные концы подвесной системы были аккуратно заправлены под клапана. Потянул – они выпали вожжами – остались куски в пятнадцать сантиметров. Отпилены ножовкой по металлу или стропорезом. Ножом перерезать капроновую ленту шириной шестьдесят, толщиной четыре миллиметра, у злоумышленников, видимо, не вышло. В нескольких местах были надрезы, не пропиленные вглубь. Расщёлкнул защитный клапан над зачековочным тросиком – контрольная нитка с контрольной пломбой не сорваны. Значит купол вытянули через верхний клапан, а отрезанные свободные концы подпихнули под боковые клапаны.

– Пойду начальника ПДС обрадую! – сказал я, закидывая целую систему на спину, а распотрошённую на правое плечо. Подошел механик борта.

– Ну что, забираешь на перекладку?

– А что тут переукладывать? – я похлопал по пустому ранцу.

«Механ» округлил глаза:

– Ёкнули!

– Зачем это тряпье кому-то понабилось? А если бы ЛП

(летное происшествие) и твоим летунам пришлось бы прыгать? – недоумевал я.

– Как зачем? — лукаво усмехнулся «механ»: -Курток, палаток нашить можно.

– Куда столько курток?! Там пятьдесят квадратов!

– На продажу. Вот куда... Ладно забирай что есть. Акт принесу Предыбайло.

Тут, опять, я почувствовал э т о! Скинул системы на землю и рванул к деревянному домику за ВПП, держась за живот, который крутили рези спазмы.

– Ты куда! – закричал «механ»: – а парашюты?

Я махнул рукой.

Опять хлюпала под ветром деревянная дверь, опять жидкости в аэродинамической трубе...

Временно полегчало. Я выбрался из сортира. Подобрал системы. Нести было далеко и неудобно. Сложноконструктивный купол, с длинными свободными концами подвесной системы и НАЗом (носимый аварийный запас – который я не проверил, содержимое, скорее всего тоже, «ушло» вместе с куполом), колотил под колени. Пот, ручьем лил, с меня.

Осталось убеждение, что именно «механы» подрезали купол.

Раскуроченный парашют сдал начальнику П Д И (пара-

шютно – десантного имущества) прапорщику Дегтяренко. ЦЕлую систему кинул на укладочный стол. Александр Иванович, было, принялся расспрашивать о подробностях утраты парашютного имущества, но я показал на живот и ринулся в «тубзик» за парашютным классом.

По моему приходу, прапорщик странно рассматривал меня:

– Что с тобой?

– Не зная, бегаю до витру, каждую минуту. Слабость, озноб.

– Зелепухи из сада ел?

– Ел...

– Дуй в медсанчасть срочно!

– Что, прямо сейчас? А систему переуложить?

– Хватит болтать, бегом марш!

– Ну... есть!

Я прибрёл в санчасть.

Там уже сидели два бойца. Они ёрзали и охали, мяли свои пупки, по очереди вскакивали, выбегали на улицу, возвращались и опять убегали.

Медсестра, тут же подскочившая, сунула в подмышку градусник, коротко спросила: -Часто бегаешь?

– Угу.

– Сколько за сегодня?

– Раз двадцать...

Она ушла в кабинет. Вернулась минут через пять – забрала градусник.

– Сколько? – вяло спросил я.

– Тридцать восемь и восемь, -ответила она и исчезла опять.

Вышел фельдшер – знакомый прапор – наш парашютист. Увидев меня, кивнул, не подавая руки, обратился ко всем:

– У вас у всех дизентерия. Мест в изоляторе уже нет, вас отправляем в городскую больницу.

Мне было все равно. Я плавал под потолком и искал там уголок прохладного воздуха.

Нас троих погрузили на медицинский УАЗик и в сопровождении фельдшера помчали в город. До города было не далеко – километра полтора через «подсолнуховые» и конопляные поля и полкилометра по городу. Больница была, почти на окраине, но в ста метрах от продуктового магазина. Я отметил это, хотя находился в сомнамбулическом состоянии.

В приемном покое прапорщик сдал нас и наши направления дежурному врачу и отчалил.

Нас только-только начали оформлять, как вдруг, бритоголовый стройбатовец заорал:

– Где у вас туалет? Быстрее, быстрее, я не могу больше!

– Да, здесь, сынок, за перегородочкой, – подскочила пожилая медсестра и оттащила бойца за перегородку, которая находилась тут же в приемном отделении. Мы видели его сизый затылок, красные уши и затертый воротник. Слышали его сопение и стоны.

Мне было все равно. Ровнее-ровного. Даже когда ставили клизму, я не дернулся. Странно было сознавать, что я стоял без штанов перед старой медичкой, и в меня пихают резиновый шланг.

Замедленно пятясь, поддерживая штаны, я собрался за перегородку, но бритоголовый, опять, сорвался с места, протиснулся между мной и стеной и накиннулся на унитаз, как коршун на змею. Поначалу он пытался напугать его рвотными усилиями, затем устроился верхом. Я все ждал и ждал, стоя рядом. Вода распирала мне кишки...

– Быстрее! -стонал я.

– Щааа, щааа, – скрипел он.

Как только он приподнялся, я тут же оказался на его месте. И мои выступления были не менее велеречивыми, чем у предыдущего оратора.

– Ну, все, сейчас станет легче солдатики! «Грязь вся из вас выйдет и сразу полегшает», – говорит медсестра и кормит нас с ладони пригоршнями активированного угля и левомицетина.

Мне, кажется, и вправду стало легче. Забрел на берег среди ядовитого петербургского тумана.

Как только я освободил унитаз, лысый, вновь накинулся на него. В перерывах, он даже не успевал подтягивать штаны.

Нас нарядили в коричневые (!) вельветовые костюмы, с вытравленными на левой стороне огромными буквами «ИО» (инфекционное отделение). Как клеймо прокаженного!

Отвели на второй этаж в это самое инфекционное отделение.

Я тут же упал на кровать справа у окна и закачался под потолком на скрипучих пружинах заоблачного гамака. Наверное, от высокой температуры...

Состояние не было неприятным и почти нравилось мне. Но гиря, давившая на кишечник, сбросила вниз на землю, и я засобирався освоить местный «тубзик». Но тут в палату ворвался бритоголовый с криком: -Где тут у вас туалет? – тут же скрылся за стеклянной, замазанной побелкой, дверью.

Вот это прыть! И опять я за ним... Выждался и опять в постель.

Не прошло и пяти минут, как лысый подскочил и грохнул стеклянной дверью.

– Надо ему кровать у унитаза поставить! – пошутил кто-

то. Кто-то засмеялся. Мне не было смешно. Я сам был, почти, в таком же состоянии.

Вечером мне вновь, предложили клизму, чтобы окончательно расстаться с дизентерийными палочками, но я, как и все в палате отказался. Лысый, тоже попытался отказаться, но его накачали принудительно. И опять, после этого, он охал и бегал каждые 10 минут в сортир.

В палате нас было четверо, все солдаты- срочники.

Сегодня прибывшие: я, лысый – Боря —Батыр из стройбата (их «бат» строил казарму в нашем военном городке и удлинял ВПП у соседей), «черпак» из моего полка, почти земляк-калужанин. И был еще старожил – Колян из Батыровского стройбата.

Боря оказался татаринoм, но по-татарски, кроме мата, ничего не знал. Учил меня.

Два дня мы приходили в себя, и в голову не лезло, чтобы как-то нарушить больничные беспорядки.

За это время сдружился с солдатом из стройбата – Колей.

Он был моего призыва, но уже был такой валяжный и волосатый, будто во всю «дедовал». Я выглядел скромней, как и положено «молодому».

А вот Боря-мабута был совсем затюканным у себя в под-

разделении. С нами отогрелся и разговорился. Стал травить анекдоты, рассказывал про дом и невесту в Казани.

На третий день мы, уже совершенно окрепли и поняли, больница – это настоящий Рай!!! Ни отбоев-подъемов, ни нарядов на кухню, ни тупых офицеров, ни дембелей, ни горы парашютов под укладку. Ничего! Днем и вечером телик, перед сном кефир, днем прогулка в больничном садике.

Колян надавал советов, как продлить этот Рай в бесконечную перспективу.

– Жрите, сырые подсолнухи, тут за больницей растут, не мытые. Понос не будет прекращаться. Если бы не это, я бы уже неделю впахивал бы на стройке!

В палату прибежал какой-то блаженный пацаненок, с явными признаками олигофрении.

– Коль, а Коль! Тебя Таня зовет! Иди!

– Зачем?

– Хочет конфету дать.

– Сюда принеси!

– Зачем тебе здесь-то?

– Чтобы губы были сладкие!

Олигофренчик задумался, его вдруг осенило:

– Ты, что с ней целоваться собрался, сладкими губами?

– Да-да. Вали отсюда.

Дебильчик ускакал с перекошенной челюстью.

– Таня эта, -делился Николай: -ей всего 16 лет. Один раз затащил ее в подсолнухи... Теперь она за мной бегают, или брата-дебила подсылает.

– А ты? Неужели больше не хочешь? – удивился я, с откровением голодного волка.

– Нее. Хоца-нет. Я теперь Светку-медсестру обхаживаю.

Мы лежали на койках и мечтали:

– Вот сейчас, позвать бы Светку и сказать: сестра, сестра (Колян жалобно заканючил) змея прополза...

– Ну и что, спросит она? – он сменил голос на визгливый женский.

– В член укусила!.. Нужно яд удалить!..

Мы начали падать с коек, Батыр ринулся за мелованную стеклянную дверь.

Но медсестра Света все поползновения Николая игнорировала.

Уроки татарского мата от Бори, не прошли бесследно. Я трещал на «ём» как сорока, к месту и не к месту. Однажды, во время просмотра ТВ, пожилая казашка осекла меня, сказав с укоризной:

– Молодой человек. Я же все понимаю. Сколько же можно ваш словесный понос слушать?!

Я извинился. Но тут же скаламбурил:

– ЗдОрово! Закончился понос простой, начался словес-
ный!

Как-то утром, НиколЯ выпросил у своей Тани 4 рубля и заслал меня в магазин за вином. Я обул кирзовые тапки. Отворот больничной пижамы загнул так, чтобы закрыть клеймо «ИО». Спросил бойцов: -Похож я на гражданского, выскочившего, на минуту, из дома за сигаретами?

– Нет, скорее на шизА, сдёрнувшего с психушки. ГраждАне в вельветовых пижамах не бродят по улицам!

Выскочил из больницы через подсобку, втиснулся в щель в заборе. Голое поле до магазина. Глинистая стометровка. Несся по ней теряя шлепанцы.

В кассу, в «штучный», хватать бутылочку и ходу. Груз сунул в штаны, под резинку. «Портвейн Белый», по тем временам, вроде ликера «Амаретто» сейчас! Такая, вкусная гадость!

Аккуратно пробрался в палату, успел спрятать «пьюзырь» под матрас, зашла дежурная медсестра:

– Копытов, там к тебе пришли, на улице ждут.

Кого принесло? Вышел на улицу. Меня пришел навестить наш старший укладчик, лучший парашютист части и командир спасательного катера на воздушной подушке «барс», Никонец Михаил.

– Здоров, Миш! -у нас разница в три года, панибратствую.
– Здоров, Ген! Как самочувствуешь?

– Поправляюсь...

– Скоро выпишут?

Жму плечами.

– Укладки много! Новый призыв обучить, пропустить через ЛП (летные происшествия – всякие проблемы с куполом в воздухе), и всех откидать.

– Как получится...

– Вот пожуй, Парашютная Служба тебе собрала, яблоки, (меня передернуло) апельсины, грушки... И твоя получка – у старшины забрал.

– Чем мне-то тебя угостить? Кефиру хочешь, у меня целая бутылка осталась.

– Нет, хочу хлебнуть из той, что ты из гастронома принес!

– С какого гастронома? – дурковал я.

– Из такого!.. Что я не видел, как ты несея, словно конькобежец. Думал, она у тебя из штанов выпадет! Сперва, не понял, что это – боец за мотню держится, думаю: совсем одурел в больнице...

– Постой, сейчас вынесу!..

– Да ладно, вас самих там толпа! Как у Аркаши Северного: «пьют евреи поллитровку не четырнадцать персон!»

– Выздоровливай, много не пей! – он хлопнул меня по пле-

чу и просочился в ту щель, через которую я бегал за вином. Все Мишины «ништяки» высыпал Колюну. Остальные воротили от фруктов рожи.

Вечером «батл» мы «ушатали». Я, Борян, Колян и этот... штабной феномен, «черпак» – по сроку службы. Семьсот грамм на четыре солдатских рыла – это мизер, конечно. Но, оказалось, что нашим организмам, ослабленным дегидратацией, клизмами и антибиотиками, более чем достаточно! Вскоре «захорошело». Тут же потянуло куда-то...

Коля самоуверенно сунулся в коридор, со словами:

– Сегодня у Светки, в ординаторской, заночую!

Пришел через пять минут. Мы жаждали подробностей его сексуальных страстей!

– Отшила, коза. Сказала, что у нее муж – местный участковый. Врет, сучка... Обидно, мужики!

– А пойдемте на море—купаться! – вдруг, предложил он.

– Пойдемте! – вскочил я: -Никогда не купался на море!!!

– Не пойду, -уныло пробурчал Боря.

– Как хошь! -хорохорился Колян: -валяйся тут, черт с тобой... Шайтан, то бишь!

Потихоньку на неустойчивых цыпочках, как пьяный спецназ, мы спустились на первый этаж и вышли через темную подсобку.

– Ты хоть знаешь, куда идти? – спросил я: -в какую сторону море?

– Туда, наверное! – показал он неопределенно, за подсолнуховое поле.

Мы прошли километра три. Поле кончилось. Моря всё не было!

– Мож, не туда идем, Колян?

– Мож не туда... ты с вертушки прыгал! С какой стороны море?

– Точно на юг от части!

Слева от поля, появились дома частного сектора.

– Спросим у кого-нибудь!

Около домов густо росла айва. Ребзики жадно накинлись на неё. Мои глаза не могли видеть плодоовощные культуры вообще!

Пожилая казачка, попалась нам на встречу и всё растолковала.

– Сыночки, это прямо... прямо всё, направо, налево, направо и вверх на горУшку по камушкам...

– Подождите, подождите, – взмолился я:– сколько километров?

– Почем я знаю?...Ну может километр или два... Сливки хотите солдатики?

– Мы гражданские...

– Бабкины глаза не обманете! Все как один, в короткой стрижечке, как ежики осенние.

Коля и штабной набили сливами карманы пижам, и хлопая шлепанцами по горячему асфальту, мы попёрли прямо к морю.

На курсах молодого бойца, нас подпрягали чистить пляж местного пансионата. Мы таскали по наклонному парапету корзины с вонючей дохлой рыбой и цепкими водорослями. Я подумал: – Этот город, для кого-то курорт, а кому-то каторга! Вот бы приехать сюда после армии!

Названия не менее десяти пансионатов прочитал я, пока нас везли вдоль побережья.

Стемнело, когда мы выперлись на берег. Позднее десяти вечера.

Спуск к морю был каменистым, а в воде, у самого берега, торчала каменная плита.

Штабной, скинул тапки и попытался, одной ногой «пощупать» воду, вдруг «посклизнуvси» и Статуей Несвободы рухнул в прибой. Он судорожно скреб по камню, все никак не мог вылезти. Прибой, остервенело, оторвал его от опоры, скатил в море и вернул, грохнув плечом о камень. Едва не расшиб голову. Николай, сообразил первым, ухватил за руку и вытянул на берег.

– Там глина, скользко! – плевался штабник: -ноги «бус-

куют» встать не могу, волна херак меня... Я воды хлебнул. Фу, соленая, сука!

– Один искупался, теперь все! – крикнул Колька и скинув больничное тряпье и солдатские синие трусы, кинулся в прибой, похожий на зыбкую пену жигулевского пива.

Купаться было почти невозможно! Волны так и хотели шмякнуть нас о плоский валун у берега. Мы были, явно, не на пляже, даже не на диком. Купание было странное и страшное. Заключалось в борьбе со стихией, из последних сил. Тверёзные, наверняка, здесь купаться бы не полезли!

На берег нас втаскивал штабной. Самостоятельно выбраться было невозможно!

Собрались уходить, оделись. Хмель смыло ледяной водой. Появились тревожные мысли.

– Как бы не хватились нас в больничке!?

– Нет, Светка прикрыть должна! – заверил Мыкола.

Я оглянулся назад. Волны били между камней и вверх взлетали острые струи, похожие на лезвия мечей.

Шли быстро, чтобы согреться.

Я запел на ходу:

– Лейте, лейте ливни злые,

– Черных туч не жалеите,

– Вы не знали: может сердце

- Жарко греть
- Прижавшись к сердцу!

Вдруг, все подхватили:

- Небо вновь меня зовет
- Взглядом чистым и бездонным,
- Стать бродягою бездомным,
- Что в пути всегда поет!..

Прибежали в палату. Светочка, не только не сдала нас, но и поставила каждому на тумбочку его кефир. Борюсик мрачно рассматривал наши довольные хари.

– Умница девочка! – умилился Николяха: -красотуля моя... Вот только не даёт! Зараза!

И мы улеглись спать.

На следующий день, не смотря на все изощрения Николая, по усугублению диагноза, его – таки выписали.

Он подтащил свою толстенную казачку Таню и ее подругу. И мы два битых часа торчали под больничным забором. Он уламывал их на выпивку и секс, за их счет. Таня была «за», подруга – «не очень».

Николай, расстроенный, не получившимся красивым эпилогом больничного рая и широким жестом ко мне, ушел

в часть к лопатам, носилкам и неуставным дембелям.

Персонаж был притягивающий и одновременно отталкивающий.

Притягивал пофигизм, бесшабашная веселость, отталкивали откровенные рассказы о себе.

– Знаешь, почему я попал в стройбат, а не как ты – в нормальную часть?

– Нет.

– Я малолетку топтал.

– За что?

– Своего друга обчистил. Выяснил: что – где лежит: золото деньги, барахло. Когда дома не бывает. Залез через форточку. Через две недели меня вычислили менты.

Это было для меня отвратительно! Хотя, нечто подобное слышал от отца, о его тяжелом «военном» детстве и необходимости, чистить карманы на рынке...

А вот Колины побаски, про службу в стройбате – я обо-жал!

О огромных «комсомольских» носилках на двести килограммов, о том как заставляют работать на стройке ленивых. О летающих, на непокорные головы кирпичях.

Запомнился, один его, прямо «Козьмапругтовский» афо-

ризм:

– В стройбате «дед» – не тот, кто отслужил полтора года, а у кого рожа наглее и злее кулаки.

Жаль, что его так быстро выписали! С Борей и штабником было скучно. Они не аккумулировали никаких идей, девченок не клеили.

Я находился в больнице восемь дней и чувствовал, что практически, оправился от жидких стульев, резей в животе и температуры. Теперь и я, как учил Великий Коля, осознал, что здесь лучше, чем в полковых нарядах.

Кстати меня обрадовали, что после «дизентерухи», шесть месяцев не ставят в наряд по столовой. Так, как являешься потенциальным носителем дизентерийных палочек!

Я усиленно «косил и симулировал». Я «хавал», если хотите «хезал», если не поняли «чуфанил» все, самые неудобоваримые продукты, которые дизентерийным запрещены. Анализы были отвратительные и выбытие в часть, в ближайшие две недели, не грозило.

После ухода Николая, ничего на происходило. Обычно, днем я гулял на больничном дворе. За инфекционными не было жесткого контроля, и мы имели возможность разгуливать во дворе. Пялился на девушек, не решаясь подойти к ним из-за своего клейма на вельвете.

По периметру дощатого забора плотно росли пирамидальные тополя, и тенистая зебра закрывала двор стационара Первой Городской больницы.

Из-за этой тени – беспощадное кубанское солнце не выжигало болезненных постояльцев стационара.

Сегодня я осознал одну странность. Маленькая девочка из детского отделения – поразительно похожа на мою племянницу! Наверное, годика три – малышке. Каждый день она гуляла с разными женщинами.

Точно! Я видел ее третий или четвертый раз и каждый день тети менялись. Сначала я решил, что она лежит здесь с мамой, но, не смотря на одинаковые больничные халаты, лица женщин с девочкой во дворе, были разными.

Сегодня ее вывела медсестра. Немного помаячила и собралась уходить.

Я попросил:– Можно я с ней погуляю?

Глянула на меня, увидев больничную пижаму и хлопаяющие тапки – одобрительно кивнула.

– Побудь с нею пол часика, а я белье заберу из прачечной.

– А как её зовут?

– Катя... Катюша Мостовая.

– А, что она здесь без родителей?

– Она из «дома ребенка». Мать от нее отказалась!

– А почему в больнице?

– Бронхитик, где-то, подцепила. Сам понимаешь, т а м за ними не следят...

Она ушла.

Боже мой!

Все как у меня!!!

Мую родную племянницу Алёнку, моя родная сестра, её мать, оставила в роддоме. После этого Алёнка год кочевала по разным приютам и больницам, пока мы с матерью оформляли опеку на нее. Пришлось, даже вызывать сестру из Тверской губернии. Чтобы она, соизволила, дать разрешение на наше опеку!!!

Однажды пришел к Алёнке в приют и понял, что э т и дети никому не нужны! Нянечек не было, и малыши были сами по себе: кто стоял, кто лежал в своих кроватках.

Алёнушка – беловолосенькая, носастенькая, большеглазая зверушка в застиранном платьице и рваных, на коленках, колготочках. Стоит в кроватке и пытается ножкой затолкнуть тряпичного клоуна между деревянных прутьев кровати.

Ей исполнилось год и месяц, когда моя мама, наконец-то, привезла ее домой. Маленького напуганного зверька, умеющего говорить только: «Дай» и «Нет» и пугающе безутешно,

плакать по ночам.

Аленка стала мне младшей сестрой, а может быть и дочерью. Когда мы гуляли вместе, докучливые продавщицы мороженого и прохожие любознательные бабульки говорили Аленке:

– Какой у тебя папка молоденький!

В садике детишки расспрашивали ее, и она приносила это непонимание домой:

– Нянека! – Так она меня называла. По-видимому, смесь «Генека и Нянька» – почему у меня папа молодой, а мама (не понимала, что это – бабушка!) такая старенькая?!

Мне было тогда четырнадцать лет! А маме – всего-то сорок семь.

Невероятное стечение обстоятельств и странная параллель. В 1941 году мамин папа, мой дед, Михаил Леонтьевич Возвышаев, ушел на фронт добровольцем, хотя имел бронь, так как был председателем совхоза «Киселевка».

Случилась беда. Мамину маму, бабушку Катю (ни фотографии ее, ни даже отчества нет, да и бабушкой она не стала, осталась только в нашей памяти...), прижала сдававшая назад машина... Сестры Возвышаевы остались сиротами.

Брат отца, Григорий Леонтьевич, был в это время в тюрьме. Оттуда попросился на фронт. Ему разрешили, но по до-

роге он сбежал, чтобы на полчаса увидеть детей и жену. Через 30 минут в ворота уже ломился наряд НКВД.

Станным образом, брату деда, не накрутили срок, а просто отправили в Мордовию на пересыльную воинскую часть, а потом на фронт.

Ни дед, ни его брат не вернулись с фронта. Дед Миша пропал без вести в 1943, дед Гриша пал в бою в феврале 1944 года в Беларуси.

Мама Роза с сестрой Тоней и старшей Марией, остались сиротами. Дед (!) не взял их к себе жить. У него уже жила куча снох и 7 внуков и внучек.

Маму с сестрой Тоней отправили в Федяшевский детский дом, Ясногорского района Тульской области. У самой Маши уже была дочка Люба и муж на войне (так же, как и все мои деды, он не вернулся с войны). Маша, конечно же, осталась дома.

Там сестры пробыли до 1947 года.

О детском доме, почему-то, у мамы остались очень теплые воспоминания. Все испортило злополучное падение зимой в речку Синетулица и ревматический порок.

Потом их отвезли на завод «Красный Октябрь» в Тулу. Поселили в заводском общежитии.

С тех пор, у мамы стойкое убеждение, что сирот и брошенных детей не должно быть! И эта уверенность, видимо,

передалась и мне.

Я вел Катюшку за маленькую ручку, слушал ее непере-
водимое лопотание и слезы катились из глаз. Так мне было
жалко её, Алёнку, маму с сестрой, бабу Катю, и всех-всех
ненужных и брошенных детей. И сам себя я чувствовал ре-
бенком, выдернутым из домашнего тепла...

Сидел на лавочке и целовал ее грязные ладошки и щечки,
и сопливый носик. Она прижималась ко мне и все говорила:
– Не пьячь, дядя. Скоё мама пидёт...

Пришла медсестра и забрала Катюшку.

Я спросил: -А завтра можно я с ней опять погуляю?

– Конечно, приходи в одиннадцать, после обхода! Что,
по своим, небось, скучаешь?

Я кивнул, глотая всхлип.

Я ждал весь вечер. Утром еле дождался обхода и скорее
на улицу.

Катюшку не выводили. Я ждал до двух часов дня, про-
пустил обед. Потом решился и зашел в детскую терапию
на первый этаж. Увидел пожилую медсестру – незнакомую.

– Скажите, Катя Мостовая – здесь?

– Нет, сынок, ее сегодня выписали.

– А, что она уже выздоровела?

- Конечно. Она восемнадцать дней здесь пробыла.
- Куда же ее теперь?
- Куда?.. В детский интернат.
- А где он находится?
- Не знаю точно. Где-то в станице за городом...

Вот и всё!

А вчера ночью, я развивал грандиозный план. Удочерить Катюшку и отвезти ее домой, после дембеля. У Аленки будет сестра – Катюшечка! А у меня маленькая смешная дочурка! Нас будет четверо. Мы будем счастливы! А пока, в увольнениях, буду постоянно навещать ее.

Она была здесь восемнадцать дней! А я занимался ерундой – пьянкой, гулянкой и симуляцией вместо того, чтобы направить свою нежность и любовь на малюсенького человечка, который в ней нуждался...

Приторный больничный рай померк и источился. Он стал мне, вдруг, тягостен и невыносим.

Я вернулся в часть.

Копытов Г. Л.

09.11.2016

Парашютная новелла

«Странная штука – армия. Находясь там, клянёшь её на все лады; а уволившись, чувствуешь себя одиноким.»
Джемс Хедли Чейз «Доминико».

Офицерам, прапорщикам,
бойцам-укладчикам
Парашютно-Десантной Службы
и их подругам посвящается.

Где-то, в отстающем автобусном чаду, зачали канцелярско-штабные формальности и озонирующая портянками, и кислой половой мастикой казарма.

Мы несемся на северо-запад от ворот воинской части.

Накануне. Начальник парашютно-десантной службы, заслуженный народный майор Союза Советских, Предыбайло Николай Васильевич, прозвонил мне в парашютный класс и интригуяюще резюмировал: -Геннадий, «ПО-9» * укладывать умеешь?

Это было напористым утверждением, но не вопросом. Попробовал бы я – «не уметь»!

За два года, я почти закончил общую тетрадь на ТТХ* людских парашютов и купольных систем.

Но теория ничто в этом деле! Все системы ПДТ*, имеющиеся на вооружении в СССР, укладывал, с полужакрытыми глазами. Почти все...

– Везём на прыжки, в станицу Красногвардейскую, школьников из нашего клуба «Юный Десантник». Хочешь с нами?.. Будешь следить за имуществом: контроль и учет. Беру тебя в качестве начальника склада ПДИ*. Подбери на группу по два «Дуба» (Д1—5у) *, по одному «З-5» *, каски и парашютные ботинки.

С командиром согласовано. Оформление документов на прапорщике Дегтяренко...

Трагично понизив голос, добавил:

– Я в больнице, но к пятнице буду. Возьми два своих Т-4*, тоже попрыгаешь!

– Есть! – тянусь я вдоль телефонной трубки.

Бунгало!!!

Странно, да? Что такое «бинго», пока еще, не выдаю!

Лучший в Союзе гражданский парашютный клуб! Шеф, видимо, компенсирует то, что бросил меня в Краснодаре, в прошлом году, на «пОед» прокурорским экстремистам.

И вот отъезд. В автобус набили полсотни парашютов и два

десятка школьников.

Укладчик соседнего полка, таджик Ишанмурад, зачарованно медитирует на, копошащуюся в «бусе»? детвору. Потом выдаёт:

– Мало прыгай! Дембель за гора не ходи!

Хлопаю его по плечу:

– Яхши, Мурат...

– Кыз много, ташах береги... – грустно качает головой таджик:

– Спортивка мой возьми! Твой «техничка» – сабсэм грязный!

– Канэшна, давай! Сенк ю, Ишан!

Мы едем, ЕДЕМ!

Как волшебнo, логично и трепетно, ехать в сторону противоположную от твоей воинской части.

Не важно, в какую и зачем!

В мешке из-под стабилизирующего парашюта, вместе с осточертевшей сапожной ваксой, с каской, упакована форма (о которой надеюсь забыть на ближайшие три дня), рядом с парашютными ботинками на трехсантиметровой виброподошве, со шнуровкой спереди и сзади. Старшие укладчики утверждали, что форма и идея заимствована с ботов немецких десантников, времен Великой Отечественной Войны.

Не верю! Им же не только прыгать нужно было, но и бегать. А в этих, когда идешь, ощущение, словно плывёшь в туфлях на поролоновых каблуках. Наш конструктив, может сам «Дед» – Василий Филиппович и придумал!

А еще у меня 10 рублей. Мне выдал их старший укладчик – Дегтяренко Александр Иванович, на непредвиденные расходы. И я знаю, на что потрачу их!

Уже, через пять минут поездки не чувствую себя солдатом, скорее уж «солдер оф фортун». Но начальник настоял взять форму. Я так и не смог убедить его, что за эти дни она мне не понадобится! Но будет вязким балластом в моем вещмешке, то бишь, парашютной сумке.

Он игнорил этот вопрос странным предубеждением:

– Через три недели будешь дома... Захочешь форму надеть, а не сможешь?

Я отворачиваюсь и ржу в пустоту, как Пенелопа Круз. Кто это, я представляю плохо, может дочь Каррузо, но уверен, что она, именно так смеется, своей пиндосовской рото-полостью, на предложение: – натянуть на «граждАни» сапоги и формЭц!

Я думаю нечаянно-отчаянно:

– Факин тэрпаулин бутс, факин юниформ!

Мой шеф – до костного мозга мозжечка – «военный». Полторы тысячи прыжков убедили его в этом. Жесткий коман-

дир. Но к своим непосредственным подчиненным, относится, как к братьям нашим меньшим. То есть – опосредованно-снисходительно...

«Икарус» несется мимо пустынно-зеленящихся кубанских полей. В хвосте, опылилась сизым выхлопом, станция с завалившимися лачугами... Но вот, вполне симпатическое мисце! Уси хаты красыви, впритул до шляху.

Курю, с разрешения, около кабины водителя. «Насяльника» активно грузит «рулевого». Видимо одной из своих бесконечных историй: на суше, в воздухе и в море. Треньдеть он мастер, не смотря на то, что «мастер спорта».

Дети заиграли тонко и высОко, им качественно аккомпанировал на гитаре завсегдатай клуба, ученик десятого класса Николай:

- Тиша навкруги,
 - Сплят в роси луги,
 - Тильки ты да я
 - И свитла заря
- Я подпеваю грубее:
- Роскажи мени роскажи,
 - Любишь ты, чи ни, ааа,
 - И в очах сийя,
 - Я на вик твоя!

Затем Розембаумовскую:

– Виделось часто сон беспокойный

– Как за далекой рекой,

– Под облаками, над колокольной,

– В небе летит серый в яблоках конь...

Прыгаю в свий кут. Школьники, поначалу развеселые, сопят, сонно щурятся, не выказывая желаний веселить воина. Пробую дремать и предаюсь блаженно-крохоборским мыслям: «три дня на гражданке, перед гражданкой и удачная потеря красного советского червонца».

Не к месту вспомнулось, что записи, которые упорно вел полтора года, зниклы безвисты. Стало гнусовато, что они гниют, мабуть, на дне мусорной ямы, или используются в солдатском сортире на прямые нужды.

– А, що робыты? Бо солдаты срочники – дужэ дика людына!

И в тактильных ситуациях не отдают предпочтение, более маститым писателям!

Первое время пытался по памяти восстановить записи, но усердия не хватило! Копии остались «слегка беременными», точнее слегка зачатыми.

Сдвоенный ряд пирамидальных тополей, стремительно

набегают с обеих сторон. Если не смотреть на равнодушного «рулилу», а поверх его кожаного кепаря, кажется, вот сейчас, застрянем в тополиной промежности. Станным образом, удавалось избегать этого параноидального заклинивания!

Николай Васильевич отключил вещательный прибор и дремал, автоматически умащивая фурапет на коленке.

Пример шефа необорим.

ЗасыпАюсь в угон за ним...

Какой-то легкий сон, по-детски простой, нежит меня и укачивает...

Пробуждаюсь от рева «Шарпа», где-то в неопределенном месте, судя по скудной освещенности, в неопределимое время суток. Возможно... вечер.

Вроде бы, всё «штатно», но меня беспокоит присутствие стягивающих в непроглядные небесные сумерки, синих глаз, под русыми кучеряшками и объемная, не по возрасту, грудь под обтягивающим спортивным костюмом!

Вокруг неё (груди), суется четыре старшеклассника, готовые к любым услугам.

Срочно напускаю на себя апатию и безразличие.

Крайнюю неделю, когда на тренировочных укладках,

не было Марго, меня флиртowała Натали.

Она стоит на четвереньках у кромки купола, расстеленного на укладочном полотнище, на аллее цветущего грецкого орешника. Орешник накрывает тенью наш парашютный класс.

Натали перебирает складки Д1—5у. Тонкая розовая майка. Грудь почти касается, налистанного на левую сторону купола! Я вытягиваю купол и фиксирую вершину её парашюта стальным костылем к земле. Зачем нужно надевать такие маечки, приходя в воинскую часть? В огромный вырез, я вижу почти всю её грудь, до сосков! У меня плывет голова. Застенчиво опускаю голову и усматриваю свои ассиметричные штаны, ниже ремня-там восклицательный знак восторга Наташкиной грудью. Я резко отворачиваюсь, шлепаюсь на колени. Зачем-то разглаживаю окантовку полюсного отверстия парашюта...

В полутьме влетаем в станицу Красногвардейскую, пронзительно дырявя заборы и мглисто-серые кустарники тутовника, дальним светом фар. Визжим тормозами у столовки.

Святая-Пресветлая Гражданская Столовая!

Хай живе радянска йидаляня! По вику назавжди!

Только она спасет от синих, повсюдошных, глаз! И бесконечного призывно – интуитивного, подсознательного девичьего «Трубного зова»:

– Иди ко мне, иди... Обхаживай меня, облизывайся, убожай мне, говори: как я прекрасна и юна...

Вы заметили, что я не перебалакиваю её, ибо казачку, даже маленькую, не «перебалакать», и не перехожу на кубанский диалэкт.

Не может же нежная казачечка, девчущечка, ростом в три парашютных сумки, размовляты, в моей новеллке, на смешном суржике. Хотя там и тогда, он не казался странным, но был привычным и обиходным.

Старшие укладчики: Никонец и Дегтяренко, завжди одёргивали меня, когда я «шокал», или отвечал на «балачке».

– Не шокай, не балакай! Ты же кацап, а не казак!

А я-то, не по лихости, а по обычке...

Тогда еще не ведал о своих казачьих корнях!

А хоть бы и знал, то какие мне с того ништяки?

Шо, балакав бы без зупынки?!

Русская казачья пословица:

Скільки вовка не годуй, у слонячки бильше...! Тю... нагада, чи – не це ж!

З тим зранку проснешся, з ким пизно ляжеш!!

От це!

Кубань провалилась в надменное благоухание безбрежных садов. Водоворот сладостного, изворотливого ветра. Он

задувал, в параллель с Трубным Призывом, до моей, поки-
ще, не изгаженной, интеллект, русявой головы. С коротэ-
нькой стрижэчкой...

Жара предстоящего лета назойливо парила в душной ве-
черней тени цветущих абрикосов и айвы.

Я, внутренне жадно, внешне степенно, засасываю «граж-
данску писчу».

Сверху доливаю кумысом 0,5 литра. Осовело – счастли-
вый, попыхиваю цыгаркой, на лавке, перед входом в кафе.

Будущие десятиклассники, сейчас они закичивают девя-
тый, не в пример мне, галдёжно и не солидно, заполняют ав-
тобус.

Станица огромная. Час объезжаем её. Останавливаемся
перед Клубом.

Николай Васильевич с нагона колёс, влетает в Клуб, хва-
тает за талии двух бойцов и предъявляет их мне.

– Полетов – инструктор лётного звена. Прыткий – ин-
структор парашютного звена.

Меня представляет скромно: -Мой боевой товарищ!

Расселение произошло ущербно-роскошно. Ребята в хо-
лодный спортзал, девочки в отдельную, отапливаемую ком-
нату.

Начальник, по инерции, всё еще суетится, радуется:

– Геннадий, нам бы такой клуб..., или хотя бы коридор под укладку! А бассейн!!

Я отчаянно соглашаюсь.

Перед уходом, шеф накачивает меня инструктажем:

– Подъем в семь, проведешь зарядку, завтрак, укладка ку-полов, медкомиссия, погрузка, разбивка старта. Ночью долго не гуляйте. Кого завтра не допустит медицина – пешком пойдет домой!

Да! Местные инструктора проведут свои зачеты по ЛП*. Твое присутствие необязательно, ты же гордость Десантный Войск, фельдмаршал Безопасных Полётов. Видимо, прозрачно натекав, на недопустимую глупость и необоснованную самонадеянность в воздухе...

Он, почти ушел, исчез за дверью спортзала, но голос опять завибрировал за стеной, а в затемненном дверном проеме, проявился околыш его фуражки:

– Копытов! Мы люди военные, надо выставить дневальных!

Изучив мою недовольную физию, прибавил:

– Не долго, по полчаса...

– Ну... есть...

Наконец-то он ушел.

А я вернулся в спортзал.

Потом мы ужинали у девочек в комнате, и я дежурил первым.

Со мной были Николай и Сергей.

Мы потихоньку пели под гитару:

– Сыграйте мне нежные скрипки,

– Светает, написан постскриптум...

Через полчаса их сменил нудный и инертный Сашок.

Он битый час «донимал меня блатными аккордами».

Несколько раз появлялась Н. и подсаживалась почти вплотную, в опасной (для меня) близости. Слушала С. и уходила. Меня подмывало уйти за ней, но я удержался...

Сашка достал меня расспросами о службе. Я пообещал ему, что «нэзабаром всэ дизнаешься», и ушел спать.

В спортзале, слишком экономные школьники, уже потушили свет.

В темноте я нащупал свои купола, но поленился их распускать. Улегся, кое-как, на двух пыльных укладочных полотнищах, скатанных трубкой. Под голову сунул твердую «запаску».

Жестковато... Но зато утром ничего не надо укладывать! Было холодно, я дрожал всю ночь, но купола не распускал.

Заснул, не помню как, но думал о ней...

О которой? То есть за которой? За Федорянич, которая

здесь, под боком и флиртовала со мной, или за Одинцову Ритуську, с которой уже даже целовались в полковом клубе.

Но Ритульку мама, почему-то, не отпустила на эти прыжки?

Потом выяснилось, что её не допустил кардиолог!

Мой аскетизм, после дегенеративного общения с Еленой Бусовой, при помощи нежной Ритульки Одинцовой, слава Богу, рассосался. В глазах наших бойцов я стал, чуть ли не Казановой.

– Ой у поли тры крыниченьки,

– Любыв козак тры дэвчиноньки...

Но это, явное преувеличение! И не козак, а кацап. И не беляву та черняву, а белявую и белявую.

А с третьей препоганю, мабудь, пиду роспрощаюся! Точнишэ, пойиду...

После второй или третьей смены дневальные заснули. О зарядке не могло быть и речи!

Среди утренней серости нас поднял трубный глас моего начальника.

Я виновато улыбался, сознавая, что не оправдал...

Но шеф был на кураже:

– Метео даёт добро!

В закрытых стальной сеткой, огромных окнах спортзала, включилась нежная голубизна. Но заря мне показалась бледная и холодная...

Значит прыжки, все-таки, состоятся, а у меня их уже за сотню!

После восхищения погодой, Предыбайло повел школьников на завтрак, а я втиснулся в отцепные тренажеры. Понял принцип и пятнадцать минут ловко валялся на полу.

После завтрака опаздываю. И вижу: зал наполнен желтыми вспышками, листаемых куполов. Кипит укладка. И конечно же, Наташке помогают уже несколько человек. Я улегся досыпать, компенсировать суету ночи, но в дверях промелькнул Шеф с криком:

– Геннадий, контролируй стропы!

Я понял, что отосплюсь после дембеля.

Хожу серьёзный по залу, контролирую. Разделяю, вытянутые на полу стропы, на верхнюю и нижнюю группы. Воспользовался тем, что помогавший Наташе парень в модной спортивке, задумчиво рассеянно тряс стропами, как вожжами. Наставительно назидаю о мрачной перспективе неправильной укладки и зачековки строп. Советую не спешить и глубокомысленно изрекаю завет прапорщика Дегтяренко: «ско-

ростная укладка ведет к скоростному спуску!»

Она восхищенно следит за моими руками. Я кичусь своими познаниями по специальности. Придираюсь к мелочам, наверняка, чтобы дискредитировать самоуверенного юнца в её глазах.

Потом были зачеты, и мы краснели с шефом за своих подопечный. Но Прыткий допустил всех.

А к двум часам все прошли и медкомиссию. Фельдшер узнал меня. Год назад он работал хирургом в госпитале, и я проходил у него медкомиссию перед допуском к прыжкам. Он, будто по секрету, пожалился:

– С гражданскими скучно! —

А я два года чэкаю, ось так поскучаты!

«Газ-66» забит куполами выше бортов, но погода портится. Поднимается ветер, исчезает солнце.

Самонадеянное руководство клуба дает команду:

– По машинам!

Школьники грузятся в удобный автобус, а меня шеф впихнул в пыльный Газон под тент.

Дорога пылит, и я прячу лицо в пластиковую каску. Не помогает. Пыль лезет в нос, уши, глаза.

Мне-то хотелось ехать с ней, но это подавлено приказом шефа и имитацией служебного рвения.

Замист флирту и нежного догляду, я давлюся пылюкой.

Настроение унылое.

Но «Шишига» выскакивает на бетонную, местами, ВПП и в конце неё, на литаковой стоянці побачив, косо вздернутый в небо, угрюмо-скромный АН-2, называемый в простонародии «Кукурузой».

Десять бийцив може в сэбэ втягнуты, цей гвынтокрылый дэрэжбан.

На борту его читаю трафарет «ДОСААФ» и номер «03». Разгружаемся на самолетной стоянке.

Подошел начальник. Он отчаянно морщит запыленным носом и безнадежно поглядывает на, хаотично скачущие, верхушки деревьев. Трагически громко декламирует:

– Восемь-десять метров в секунду! Невезуха!..Всем отдыхать, пока...

И себе под нос тихо: -Сцуко!

Развеселые школьники затихли, расстроились. Сбились в плотный табунок на брезентовом квадрате.

Я подсел к ним. Поближе к ней, почти вплотную.

Она обернулась и впервые, открыто улыбнулась мне...

За минуту витер буйный втых, и пыль осела.

Над литакамы, рысовымы полямы, и парашутыстами вый-

ШЛО СОНЦЭ.

Вот оно!!!

Открытая дверь в хвосте самолета, в салон рванул тугой холодный ветер, и синеватая пропасть упала на страшную глубину! Тугой поток гулко затрещал костюмом выпускающего, и вдавливая кожу в кости черепа на его лице. Кожа щёк у него, трепещется хаотично. Это страшно! Мне, хотя и привычно, но не эстетично.

Ученики, испуганно рассматривают Василича в роли Кошца, на выпуске в Бездонную Неизвестность!

Предыбайло, как всегда, пунцовый «на выпуске», хлопает мне по плечу, перерёвывая крик винта, орет на ухо:

– Паашшёоол!!!

Куда не уточняет!

Улыбаюсь и киваю ему. Цепляюсь правой рукой за обрез проёма и резко вкидываю себя в ураганный поток за бортом, проталкивая левое плечо вперед, не распуская зажим правой руки на проёме, как вокруг шарнира, разворачиваясь корпусом вдоль борта. Чисто выхожу «на поток», слегка прогнувшись в пояснице и раскидав ноги – руки, как лягушка. И вот тут отпускаю руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.